

Валерий Скобло

НЕ ВСЕ ЕЩЕ КОНЧЕНО

* * *

Жизнь протекла так нелепо, что я
И не пытаюсь итога
В ней подвести... Обтрепались края
Смысла... Осталось немного.

Длилась мучительно долго, и вот
Дарит нас меркнувшим светом...
Ну и какой же забрезжил исход? –
Я затрудняюсь с ответом.

Я не затрону чувствительных тем:
Долга, вины и расплаты.
Нечего там мне добавить совсем,
Некуда ставить заплаты.

И не касаюсь интимнейших струн,
Типа любви... род недуга.
Сердце, известное дело, вещун...
Что здесь добавить, подруга?

* * *

Когда страдает близкий человек,
Ослабевает вера в милосердь Божье.
Своя-то жизнь – и грязь, и бездорожье,
Метель, пурга, гроза, разливы рек.

Поэтому заслужено вполне
Любое наказание и расплата.
Ну, она... она в чем виновата?..
Или совсем здесь дело не в вине?

Но если ты и вовсе атеист,
Легко списать на беззаконный случай,
И шепчешь...
Никому: Ее не мучай!..
В ответ в приемнике
помехи... шум и свист.

КРОТ ИСТОРИИ

Вот... крот истории
измучил мою душу.
Он роет медленно и верно
твердь и сушу.

С блестящей шубкою...
и ростом со слона.
Работа тайная не каждому видна.

Ходы он роет тщательно... годами.
То в Грузии мелькнет он, то в Судане.

То Риму древнему
тайком готовит клизму,
То корни подгрызет феодализму.

Меркурий подчинен ему и Марс.
Его открыл и описал великий Маркс.

А чушь ли он, сюжет для простаков? –
Кто знает?

Промелькнул – и был таков.

Его явление истинно иль ложно?
Я медленно шагаю... осторожно.

Мой шаг нетверд, в глазах моих туман.
Ходы для личностей...
Ходы для целых стран.

Еще шажок... мгновенье и – провал...
Когда б я знал... когда бы только знал...

МОБИЛЬНАЯ СВЯЗЬ

Я вовсе не желаю быть доступен
В любое время суток. Даже днем.
Я не хочу, чтоб бил в кармане бубен –
И отключил мобильник... Ход конем.

И что такое мне сказать хотите:
«Застряли в пробке. Скоро будем...»
Блин!
Лишусь без телефонных этих нитей
Каких метафизических глубин?

На что пустячны и убоги мысли –
Они мои... хочу обдумать их!
Все SMS-ки и звонки «подвисли».
Мобильник так хорош... когда он тих.

Тень Гамлета, отца его и прочих
Проходят мимо в полной тишине...
Я им внимаю...
Всех звонящих – прочь их!
Прощай... Забудь...
Не помни обо мне...

* * *

Есть разного уровня матерьял,
В мыслях над ним паря,
Прикинь, а что ты здесь потерял,
Не тратишь ли время зря?

Можно думать, а есть ли рок,
И кто повелитель гроз?
Но вряд ли в ответах особый прок,
Это – не главный вопрос.

Есть ли Бог? – вопрошает простака...
Не самая важная весть,
Поскольку вести себя надо так,
Как будто он все же есть.

Ночью взгляд отведешь от листа
В темный купол небес...
Как неподъемна его чернота –
Что с верою в чудо, что – без.

Ведь звезд до дури, до кучи планет,
И бездонна небесная высь,
Но смерти нет, и бессмертья нет,
И как хочешь, так и вертись.

* * *

Мы станем землей и водою,
И облаком, ветром, огнем,
Когда, задохнувшись бедою,
Мы лишь на мгновенье уснем.

А нам-то казалось – навечно...
И глупо так думать, поверь.
Мы сразу проснемся, конечно,
Шагнув в приоткрытую дверь,

Где нас ожидает другая
Судьба...
Даже облик иной...
А прошлая – пусть, догорая,
Пылает за нашей спиной.

И то ощущение полета,
Что было даровано снам,
Нам станет привычно, как что-то,
Издравле присущее нам.

И, думаю, дар Аполлона
Никто не отнимет и там,
Где статуя, портик, колонна,
Как люди, внимают стихам.

Но это порывы благие...
И полной гарантии нет,
Что эти стихи дорогие
Диктует не сумрак, а свет.

Они к нам приходят – откуда,
И кто их диктует в ночи?
А чем мы заплатим за чудо,
Об этом пока промолчи.

* * *

Нету внятных причин для любви –
Все так зыбко здесь,
Шатко, непрочное...
Хоть одну, например, назови –
Ни одной не назвать, это точно.

Красота? – пальцем в небо, а ум?..
Всех красивых и умных прогнала...
Физик нам бы сказал: Белый шум,
Совершенно не вижу сигнала.

Как ей в душу проник, как пророс
Этот явный пижон и бездельник?
Не ответить на этот вопрос –
Все ответы идут «мимо денег».

Ну, а сам ты умнее?.. И чем?
У тебя разве нечто иное?
Нету в ней ничего... ну, совсем...
А сжимается сердце дурное.

* * *

Не верь... Ты не верить попробуй
Словам этим тихим в ночи...
Кто твой собеседник особый,
К тебе протянувший лучи

Доверья, поддержки, участия
Сквозь мрак, непроглядную тьму?
Как не задохнуться от счастья,
И как же не верить ему?

Не бойся... А как же без дрожи
Внимать этим тихим речам?
И если не он, тогда кто же
Защитой тебе по ночам?

И как не просить, если голос,
Обжегший, как пламя и лед,

Твердит, что на землю и волос
Без воли его не падет.

...Навстречу обещанной казни –
Огнем, и водой, и мечом –
Без веры, надежды, боязни
Шагну, не прося ни о чем.

* * *

Ты выходишь в ночную разведку,
Пахнет смертью трава чарытьма.
Чертыхнешься, споткнувшись о ветку.
За спиной пропадают дома.

Расплываются звезды в тумане,
Серпик месяца светит едва...
Нет резона в обычном обмане,
Смысл другой обретают слова.

Да, вопрос этот не уникален:
Волк... охотник – и кто здесь бандит?
Это выбор нехитрый печален:
Ты убьешь – или будешь убит.

Но ступаешь без мысли об этом,
Он и задан другому уму.
Вот и бьется пускай над ответом:
Быть убитым?.. убить самому?

Жизнь и смерть мало значат обычно...
Ты об этом не думаешь впрок,
Карабин поправляя привычно,
Пальцем тронув холодный курок.

* * *

Я так понимаю Иону!..
Что мне Ниневия? – скажи.
Ценю я шумящую крону
Сильнее, чем все этажи.

Он дунул в Иоппию сушей,
А дальше – морские пути...
Великий пусть город...
Послушай:
Ну что – что в три дня не пройти?

Не то, чтобы морем и в Фарсис –
 Да я б на другой материк...
 И этот... ну типа – катарсис...
 В душе у меня б не возник.

Неграмотны... сердцем жестоки...
 Чем их и пронять-то... и как?
 Пусть вышли Господние сроки,
 Но я-то – не полный... чудака!

Да ты посмотри на них только:
 Ну чисто твои муравьи...
 А жалко мне их? – да нисколько –
 Дела есть важнее... свои.

Парнишка – о, как изумленно,
 На девушку глядя, притих.
 Мамаша с младенцем... мадонна...
 Ну что мне за дело до них?

Чумазые эти детишки,
 Визжащие в старом пруду...
 И как-то не пишутся книжки.
 Да ладно...
 Иду я... иду.

* * *

Жена собирает малину,
 Смородину... мелочь... фигию...
 А я, ей уставившись в спину,
 Чего-то такое бубню.

А я вот слова собираю,
 У них свой норовистый нрав,
 И кто из нас в центре, кто с краю?
 И кто из нас более прав?

Я взвешу свою мелочовку
 На неких незримых весах.
 Не знаю, под чью там диктовку,
 Но точно уж, что не за страх.

Совсем не уверен я, кстати,
 Что то, чем я занят, важней.
 И что за итог в результате
 Летящих стремительно дней.

А лето, как льдиночка, тает,
 Мы скоро забудем о нем...
 На нашем участке хватает
 Пока что нам места вдвоем.

* * *

Если выпало в распавшейся Империи
 Оказаться на клочке ее у моря...
 ...Повстречался умирающий в безверии
 Старичок, сполна испивший чашу горя.

Южный город...
 Обезлюдено по осени...
 Ждать курортников к зиме –
 пустая трата...

...Что его за силы... злые ветры бросили
 Именно сюда?... Наверно, без возврата.

Бога нет, – твердит свое, –
 и все позволено.

Не уверен, что читал он Достоевского.
 Поколенье,
 что всех больше обездолено.

...Жил когда-то на Марата он,
 у Невского.

А теперь он тихо ждет
 последней истины...
 Все сильнее задувает зимний бора.
 Можно добрести за час
 до дальней пристани.
 Сколько же там света,
 воздуха, простора!

Редкие соседи...
 Все кругом как вымерло...
 Всем чужой – и не дает отрады водка.
 И, действительно,
 почти уже как вымело
 Всех ровесников – и нет ему погодка.

Там, в порту – ни лодки...
 только даль колючая.

Цепь оборвана, позвякивают звенья...
 И не станут волны, берег вечно мучая,
 Никого просить на это позволения.

ЧИТАТЕЛЮ

Мой стих не исцелит
 болезного душою,
 У скорбного главой он тоже не у дел.
 И здоровому вполне
 я правды не открою,
 Поскольку кабы знал...
 когда бы ей владел.

Стишки мои зазря...
 совсем без всякой цели:

Как птица вьет гнездо,
 как ищет мед пчела...
 Но только не затем,
 чтобы над ними млели.
 Уж лучше их в огонь,
 в огонь – и все дела!

Не помощи ищи, и
 не поддержки тоже:
 Чего и говорить –
 помощник я худой.
 Себе помочь не смог,
 но слезы лить негоже...
 Тем более, в стихах...
 Мы справимся с бедой.

Читатель, ты стоишь
 с киркою ли, с лопатой.
 Всего достиг горбом...
 на собственном горбе.
 Тебя я представлял
 с улыбкой виноватой,
 Похожей на мою... и думал о тебе.

ИЗ ЦИКЛА «ШУТКИ ТАКИЕ»

* * *

Счет обидам я, право, не вел,
 Не вскипал от обидного слова.
 Даже будь это «старый козел»,
 Как жена отозваться готова.

Как же им не прощать, беднякам?
 Не досталось им в жизни иное...

Не давали бы воли рукам,
 И совсем пустяки остальное.

Пусть ревнуют меня, не любя,
 Хотя уж это и точно напрасно...
 Чувство гнева в себе истребя,
 Жить, наверное, было б прекрасно.

Не совсем это мне удалось...
 Только это – вполне между нами:
 Но ответная мелкая злость
 И меня достает временами.

Так и тянется к сдаче рука
 И сказать: Отвяжись ты, зануда...
 ...Видно, все же живой я пока,
 И не в ангельском чине покуда.

* * *

Итак: сраженье с земляными осами
 Я проиграл вчистую... был разбит.
 Лил кипяток, забрасывал отбросами,
 В какой-то миг я вспомнил динамит.

Чингис, Аттила –
 Страх берет от имени!..
 Но поражение потерпеть от ос?..
 Я применял все достижения химии
 И, в их числе, конечно, дихлофос.

Я норку затыкал землей, булыжником,
 Из шланга воду лил на все подряд...
 Я был покусан,
 Хоть оделся лыжником –
 Скажу: укусы эти не бодрят.

Ну да – в сраженье с земляными осами
 Я отступил... и больше – я разбит.
 Не доставайте глупыми вопросами:
 Хоть не был трусом, мой позорен вид.

Гринписовцы... поганые экологи!
 Не на меня обрушьте вашу злость:
 Природу... вашу мать...
 Сберег я, олухи...
 Мне победить ее не удалось.

МОНОЛОГ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

По служебной надобности
 в какой только Чертов Сырт,
 В какой Атасу... Коунрад
 меня только не заносило.
 С какими только попутчиками
 не пил разведенный спирт,
 Мы тогда ласково
 его называли «шило».

С каких полигонов
 не провожал долгим взглядом старт,
 Где на пять неудач один...
 хорошо, если два, зачетных.
 Трудно забыть беспричинную радость...
 этот ночной азарт,
 Когда огненный факел
 таил в разводах черных,

Этот отзвук гигантского
 лопнувшего пузыря...
 Затихающая в пустынной степи
 последняя нота.
 И если ты сдуру подумаешь,
 что все это было зря,
 Значит, не понял
 ты важного в жизни чего-то.

ПРОСТАЯ УТЕШАЛКА ДЛЯ ТЕБЯ

В мире, где царствует
 зло и предательство,
 Где задувает добро, как свечу,
 Трус повторяет:
 «О, Ваше сиятельство...» –
 Мрази, подонку и палачу.

В мире, где нету границ для насилия,
 А для надежд – даже малых причин,
 Где побеждает простая рептилия,
 От безнадежности часто кричим.

Здесь, где в сиянии славы
 ничтожество,
 Где пустобрех не берет выходной,
 Веских причин к отступлению –
 множество,
 А не сдаваться, прикинь, –
 ни одной.

Здесь, на земле, где добро опорочено,
 Где полновластны лишь сила и гнет,
 Я повторяю:
 не все еще кончено...
 Время придет, – повторяю...
 Придет...

Валерий Самуилович Скобло – поэт, прозаик, публицист. Родился в Ленинграде в 1947 г. Окончил матмех ЛГУ. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электронприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» (СПб, 1992), «Записки вашего современника» (СПб, 2011), «О воде и воле» (СПб, 2015), «За тайной печатью» (СПб, 2017). Член Союза писателей Санкт-Петербурга (с 1993 г.). Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной (Англия, Беларусь, Болгария, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Канада, Казахстан, США, Финляндия, Франция, Эстония и др.) литературной периодике. Лауреат премии им. Анны Ахматовой (Москва, 2012), финалист международных конкурсов стихотворного перевода «С севера на восток» (Хельсинки, 2013 и 2016), дипломант литературной премии имени А. Ахматовой (СПб, 2015). Живет в Санкт-Петербурге.

